
WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY
TOM XVIII (2021), №2
s. 225-251
doi: 10.36121/lsmilowicki.18.2021.2.225

Леонид Смиловицкий
(Tel-Aviv University)
ORCID 0000-0001-9403-3134

Прощальные письма. По страницам писем и дневников евреев в Красной Армии 1941-1945 гг.

Аннотация: Статья посвящена письмам-прощаниям, как неотъемлемой части фронтовой переписки, которые обозначали грань между жизнью и смертью человека на войне. Их авторами были смертельно раненные в бою солдаты и командиры Красной Армии или их родные и знакомые (жены, родители, друзья), начавшие поиск после того, как перестали поступать известия от их близких. Письма-прощания как в миниатюре показывают всю трагедию одной отдельно взятой личности, были полны чувств, эмоций и переживаний. Они позволяют получить представление о человеческих взаимоотношениях на пороге жизни и смерти, солдатского братства и самопожертвования. Посмертные письма подтверждали высокую гражданскую позицию человека, отдавшего свою жизнь во имя победы над врагом, защиты родины и показывали, насколько государство и общество оценили эту жертву. Одновременно автор приходит к выводу о том, что семьи погибших солдат воспринимали смерть родного человека на войне как самое страшное, что могло произойти, и никакие заверения о целесообразности этой жертвы не могли облегчить это горе. Материалом для настоящей статьи послужили письма и дневники советских евреев, солдат Красной Армии, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012-2019 гг.) и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: вторая мировая война, СССР, евреи в Красной Армии, военно-полевая почта

Farewell letters. (From the pages of letters and diaries of Jews in the Red Army 1941-1945).

Annotation: The article is devoted to the letters of farewell, as an integral part of the front-line correspondence, which marked the line between life and death of a person in war. Their authors soldiers and commanders of the Red Army who were mortally wounded in battle or their relatives and friends (wives, parents, friends), who began to search after the news from their loved ones stopped coming. Farewell letters, as in miniature, show the whole

tragedy of one individual person, they were full of feelings, emotions and experiences. They allow you to get an idea of human relationships on the threshold of life and death, soldiers' brotherhood and self-sacrifice. The posthumous letters confirmed the high civic position of a person who gave his life for the sake of defeating the enemy, defending his homeland and showed how much the state and society appreciated this sacrifice. At the same time, the author concludes that the families of the dead soldiers perceived the death of a loved one in the war as the worst thing that could happen, and no assurances about the expediency of this sacrifice could alleviate this grief. The material for this article was the letters and diaries of Soviet Jews, soldiers of the Red Army, which were recently (2012-2019) collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University and are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: World War II, USSR, Jews in the Red Army, military field mail.

Listy pożegnalne. Ze stronic listów i pamiętników Żydów w Armii Czerwonej 1941-1945.

Streszczenie: Artykuł poświęcony jest listom pożegnalnym jako integralnej części korespondencji frontowej, która wyznaczała granicę między życiem a śmiercią człowieka na wojnie. Ich autorami byli śmiertelnie ranni w walkach żołnierze i dowódcy Armii Czerwonej lub ich krewni i znajomi (żony, rodzice, przyjaciele), którzy rozpoczęli poszukiwania, gdy wiadomości od ich najbliższych przestały napływać. Listy pożegnalne, w miniaturze, pokazują całą tragedię osoby, są pełne uczuć, emocji i przeżyć. Pozwalają zorientować się w relacjach międzyludzkich na progu życia i śmierci, żołnierskiego braterstwa i poświęcenia. Listy te potwierdzają znaczenie człowieka, który oddał życie za pokonanie wroga, obronę ojczyzny i pokazują, jak państwo i społeczeństwo doceniało tę ofiarę. Jednocześnie autor dochodzi do wniosku, że rodziny zmarłych żołnierzy postrzegały śmierć bliskiej osoby w czasie wojny jako najgorszą rzecz, jaka mogła się przydarzyć i żadne zapewnienia o celowości tej ofiary nie mogły złagodzić tego żalu. Materiałem do tego artykułu były listy i pamiętniki sowieckich Żydów, żołnierzy Armii Czerwonej, które w ostatnim okresie (2012-2019) zostały zgromadzone w archiwach Centrum Diaspory Uniwersytetu w Tel Awiwie i są wprowadzane do obiegu naukowego po raz pierwszy.

Słowa kluczowe: II wojna światowa, ZSRR, Żydzi w Armii Czerwonej, polowa poczta wojskowa

Неотъемлемой частью фронтowej переписки стали письма-прощания, которые обозначали грань между жизнью и смертью человека на войне. Все мечтали вернуться живыми, но никто не был в этом уверен, поэтому, когда заходила речь о планах солдата даже на ближайшее будущее, неизменно следовал ответ «если останусь жив». Когда же это происходило, то окружающие воспринимали случившееся скорее, как закономерность, чем исключение из правила. Авторами писем-прощания, как правило, оказывались молодые люди, далеко не все из которых “успели пожить”, накопить жизненный опыт, испытать первое чувство, познать женщину, вступить в брак, родить детей, приобрести профессию, получить специальность. Все это они откладывали до победы над врагом.

Материалом для настоящей статьи послужили письма и дневники советских евреев, бойцов и командиров Красной Армии, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012-2020 гг.) и впервые вводятся в научный оборот.

Условно посмертные письма могут быть поделены на две большие части. Это письма-прощания смертельно раненных в бою людей и письма-поиск погибших и умерших от ран красноармейцев, предпринятые их женами, родителями и другими родственниками, которые перестали получать известия от своих близких. Письма-прощания в свою очередь делились на несколько групп. Первые принадлежали тяжелораненым воинам, которые предчувствовали свой конец, но не хотели этому верить, надеясь на чудо выздоровления. Они могли быть написаны также добровольными помощниками-санитарками, нянечками, медсестрами или соседями по госпитальной палате. И тогда обязательно указывалось, почему письмо имело чужой почерк, чтобы подтвердить его достоверность. Содержание писем, как правило, включало признание в любви к семье, жене, родителям, подводился краткий итог прожитых лет, следовали заверения, что жертвы принесены не напрасно. В них были слова-завещания жить ради детей, обеспечить всем необходимым, вырастить и воспитать, несмотря на любые трудности. Письма часто содержали описание обстоятельств, когда произошло ранение и в чем именно оно заключалось, насколько представляло угрозу для жизни.

Похоронное свидетельство или "похоронка", которую получала семья погибшего воина, служило основанием для возбуждения ходатайства о начислении государственного пособия семье за потерю кормильца, что в голодные годы войны играло не последнюю роль. В извещении значились фамилия, имя и отчество, год рождения солдата или офицера с указанием родства (сын, брат, муж, отец) и слова, что он/она "в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество" был убит. Это придавал необходимый моральный статус семье погибшего, о которой государство обещало позаботиться. Советские органы власти на местах и общественные организации получали соответствующие инструкции и поручения, за которые с них спрашивали. Такой документ выгодно выделял семью павшего героя в отличие от красноармейца, пропавшего без вести. Последний не только был лишен государственного статуса, не имел права рассчитывать на пособие, но на его семью падало подозрение, не сдался ли он в плен? Принимая во внимания трагическую судьбу миллионов советских солдат и офицеров (всех национальностей), попавших в немецкий плен¹, это было серьезное обвинение.

1. Кто писал последнее письмо

Письма посторонних людей, выполнявших последнюю просьбу умирающего, были написаны в последние часы жизни, когда раненый человек еще оставался в сознании, или вскоре после его кончины. Они представляли собой первые известия о смерти фронтовика с припиской, что официальное сообщение об этом будет отправлено дополнительно.

Письма о смерти товарищей часто писали однополчане по собственной инициативе. Еще недавно они вместе шли сотни километров пешим маршем, мокли под дождем или страдали от жажды, укрывались одной шинелью, ели из одного котелка, поверяли друг другу душевные секреты. В октябре 1942 г. П.С. Булгаков

¹ *Pariahs among the pariahs. Soviet-Jewish POW's in German Captivity, 1941-1945.* By Aron Sheyer. Yad Vashem. Jerusalem 2016.

сообщал сестре младшего лейтенанта Давида Юрьевича Меримского: «Конечно, я вас хоть не обрадую этим письмом. Но только больше не пишите Давиду, потому что он, храбро сражаясь с немецкими оккупантами, пал в бою на моих глазах 29 сентября 1942 г. Я с ним был в одном взводе, я его схоронил, не хотелось расставаться, но судьба заставила».²

В июне 1943 г. Бэла Вольфсон получила письмо о гибели своей сестры Ани, в котором говорилось, что «фашистские изверги» вырвали из наших рядов бойца, образ которого вечно будет служить примером стойкости и мужества для воинов. Комсомолка Аня была примерным бойцом, отлично владела своей специальностью, главные черты ее жизни – смелость и выдержка.³

Сержант Иван Шубин сообщал Асе Гузиковой в июле 1943 г., что ей будет тяжело читать эти строчки, но лучше знать горькую правду, чем питать несбыточную надежду: «Нелегко нам было прощаться с прекрасным товарищем, энергичным, инициативным, разумно-смелым и решительным человеком. Он не имел больших военных рангов, но честно выполнял свое дело и пользовался огромным авторитетом. Поселок методически обстреливался немцами из орудий и минометов, один из снарядов разорвался в 3-4 м от тов. Гузикова и ... Оборвалась жизнь. Мы похоронили его в саду перед закатом солнца и на холмик его могилы положили живые цветы».⁴

Борис Шварцман сообщал Илье Евсеевичу Гинзбургу, что ему тяжело писать, но должен это сделать, чтобы «Вы не мучились в догадках»: «Я сражался с Вашим сыном, который был мне как брат».⁵ Мы, командиры и бойцы его очень любили. Много раз нам приходилось ходить с Борей в атаку, он был веселым и бесстрашным в бою. 19 января 1943 г. в разгар сильного наступления Боря был убит». В конце письма Шварцман от себя добавлял, что после выхода из госпиталя он третий раз направляется на фронт: «Я буду мстить за разбитую жизнь и за Боря. Я сам из Одессы и была у меня семья, а теперь никого нет».⁶ Гвардии лейтенант Борис Бендионович Шварцман, переводчик 1045-го полка 295-й стрелковой дивизии, сдержал свое слово, он храбро сражался, а после участия в Сталинградской битве освобождал Варшаву и дошел до Берлина.⁷

Павел Петрович в декабре 1944 г. писал Юлию Марковичу Поляку, отцу погибшего друга, что тот напрасно скрывает это трагическое известие от матери Димы: «Пусть знает, что ее сын погиб честно за свою родину».⁸ И добавляя: «В

² Письмо П.С. Булгакова – А.А. Меримской в Москву 12 октября 1942 г.

³ Письмо Бэле Вольфсон от однополчан ее сестры Ани Вольфсон 20 июня 1943 г.

⁴ Письмо сержанта Ивана Матвеевича Шубина – Асе Исаевне Гузиковой (Неймарк) 3 июля 1943 г.

⁵ Борис Ильич Гинзбург (1924-1943 гг.), лейтенант, зам. командира роты 1384-го полка 96-й стрелковой дивизии, погиб 19 января 1943 г. в Сталинградской битве // ЦАМО, ф. 58, оп. 18001, д. 1098, л. 40.

⁶ Письмо Бориса Бендионовича Шварцмана – Илье Евсеевичу и Софье Менделевне Гинзбургам в с.Федоровка М. Горьковского района Павлодарской обл. в Казах. ССР 3 июля 1943 г.

⁷ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 5984, л. 300.

⁸ Юлий Маркович Поляк, зная, что его супруга не выдержит известия о гибели единственного сына, вытребовал в военкомате похоронку, что Дима пропал без вести. На этом основании Мария Мартьяновна считала, что ее сын жив. После войны из братской могилы в Люблине, где покоился прах Димы, Ежи Фашинский, сын сестры Юлия Марковича Регины, дослужившийся до генерала

предместьях Варшавы в конце августа 1944 г. я попал в такой переплет, где на волоске “удержалась” голова. Мы привыкли к такой жизни, даже скучно становится, когда нет острых ощущений». ⁹ Подробности гибели Димы семье сообщил подполковник Воронщикова в мае 1945 г.: «Дмитрий Юльевич Поляк 23 июля 1944 г. находился с группой техников, которые на трофейной машине выехали в Люблин, где еще находился противник, нарвался на оборону немцев, где был обстрелян и убит». ¹⁰

О гибели капитана Арона Борисовича Рояка ¹¹ сообщил семье ст. лейтенант Леонид Николаевич Шильников при исключительных обстоятельствах. Капитан Рояк, бывший преподаватель Бакинского пехотного училища, отпросившийся на фронт, попал в плен 20 ноября 1943 г. во время немецкого контрнаступления под Житомиром. По рассказам местных жителей, он бросил записку с адресом своих родных с просьбой сообщить семье о своей смерти. ¹² Вторично Житомир был освобожден 31 декабря 1943 г. войсками 1-го Украинского фронта, когда в руки ст. л-та Шильникова и попала предсмертная записка Рояка.

Часто поводом для посмертного сообщения становилась необходимость ответить на письмо, поступившее в адрес погибшего товарища. Дора Рубина в феврале 1944 г. получила письмо от Бориса Голубева, который сообщал, что ее супруг, Моисей Еврейсон погиб в бою. ¹³ Летом 1944 г. Александр Рябоконт писал Гисе Клибанер с Ленинградского фронта о смерти ее мужа Григория Каплуна: «Я знаю, что принимать мое сообщение – большое горе, ваш муж погиб на своем боевом посту в боях с финскими захватчиками, с врагами нашей Родины». ¹⁴ Федор Малов в августе 1944 г. сообщал, что Григорий Каплун пал смертью храбрых: «Конечно, нам жаль лучшего боевого товарища, а я полагаю, Вам тем более будет жаль любимого на всю жизнь человека». ¹⁵ В сентябре 1944 г. Малов, отвечая на письмо Гиси, добавлял, что у него на глазах происходит немало таких случаев, а люди “приходят в недоверие и пишут письма годами”: «Ну, а ответа они не получают лишь потому, что какое дело чужому до них. Я пришел в такое сознание и решил убедить Вас в этом». ¹⁶

Катя Внукова в марте 1945 г. прочитала в письме Ф. Бородина, сослуживца своего мужа Льва Медынцева: «Ничего ни поделаешь, об этом молчать нельзя, Ваш муж, а мой дорогой товарищ Лев Александрович пал смертью храбрых ... Четыре

Войска Польского, привез землю, которую Мария Мартыновна поместила в могилу Юлия Марковича (ум. 1950 г.) в Москве, а потом и самой Марии Мартыновны, скончавшейся в 1980 г. // Письмо Наталии Тихомировой (Шальниковой) из Вашингтона – Л. Смиловицкому в Иерусалим 17 октября 2020 г.

⁹ Письмо Павла Петровича - Юлию Марковичу Поляку в Москву 5 декабря 1944 г.

¹⁰ Письмо начальника политотдела в/ч 11680 гв. подполковника Воронщикова – Ю.М. Поляку 16 мая 1945 г.

¹¹ Арон Борисович Рояк - парторг 663-го артиллерийского полка // Список политработников, пропавших без вести. ЦАМО, ф. 33, оп. 594258, д. 14, л. 98.

¹² Письмо Леонида Николаевича Шильникова - Иде Карловне Гинзбург в Баку 1 января 1944 г.
¹³ Письмо Бориса Ивановича Голубева – Доре Соломоновне Рубиной в Ленинград 15 февраля 1944 г.

¹⁴ Письмо А.З. Рябоконт – Гисе Исеровне Клибанер в г. Аральск Кызылординской обл. Казах. ССР 1944 г. Без точной даты

¹⁵ Письмо Федора Ивановича Малова - Гисе Исеровне Клибанер 8 августа 1944 г.

¹⁶ Там же, 21 сентября 1944 г.

дня я все думал, как написать Вам получше. Но ничего не придумал и пишу по-простому. Сейчас я работаю на его должности (командир взвода управления 248-го артиллерийского полка)».¹⁷

2. Навестить умирающих

В ряде случаев родные и близкие фронтовиков, получив известие о тяжелом ранении своих родных, сопряженным с угрозой для жизни, писали о желании оказаться рядом, ухаживать и помочь выздороветь или попрощаться перед кончиной. Осуществить это было непросто даже в тыловых госпиталях за сотни, а иногда тысячи километров от районов эвакуации, не говоря уже о близости к фронту. Такая поездка была сопряжена с большими материальными расходами, трудностями в дороге, строгим пропускным режимом передвижения в военное время. Сами фронтовики, прикованные к госпитальной койке, прекрасно сознавали, что это было связано с большими испытаниями для членов их семей, а помочь им на деле нельзя, хотя такие случаи были. Чаще всего обе стороны (раненый и его семья) надеялись, что врачи хорошо сделают свое дело, а советская военная медицина окажется на высоте. Здоровье фронтовика поправится, молодой организм скоро восстановится, и тогда можно будет надеяться на встречу. При самом благоприятном исходе люди рассчитывали на краткосрочный отпуск, который в ряде случаев предоставлялся тяжелораненым или комиссованным воинам.

Евсей Рубин 28 декабря 1942 г. писал своей жене Нюсе из Баку: «Не подумай сюда ехать, помочь ты мне не можешь, а твоя поездка и проживание здесь, как говорится, оставит нас без штанов после того, что я все время ни чем не зарабатываю. Поправлюсь, очевидно, вернусь к вам, тогда увидимся».¹⁸ Расчеты Евсея не были лишены основания: проделать путь из Коканда в Ферганской долине Узбекистана в Баку на Кавказ (3140 км) заняло бы в условиях войны не менее двух месяцев. Однако оправиться от смертельного ранения Евсею не удалось. В январе 1943 г. медсестра Малахальцева писала, что Евсей скончался от ран 10 января 1943 г. и в адрес его родных была выслана посылка с личными вещами, фото и скромная сумма денег».¹⁹

В феврале 1944 г. медсестра Калинина из эвакуационного госпиталя № 2019 сообщала Фаине Анисимовне Горелик, что ее муж Мордехай Абрамович перенес тяжелую операцию после ранения: «Состояние больного слабое. Он хотел, чтобы Вы приехали его навестить».²⁰ Лейтенант Горелик, командир взвода 674-й стрелковой дивизии был тяжело ранен в голову 31 января 1944 г. на подступах к г. Любань. Чтобы добраться до госпиталя в д. Коровино сельцо Киришского района Ленинградской области из г. Красноармейска Саратовской области требовалось преодолеть 896 км. Если принять во внимание время, пока полевая почта доставила письмо медсестры, и дорогу в госпиталь, то для этого потребовалось не менее трех-четырёх недель. Лейтенант Горелик не смог оправиться от тяжелой черепно-мозговой травмы и

¹⁷ Письмо Ф. Бородин - Екатерине Внуковой 23 марта 1945 г.

¹⁸ Письмо Евсея Исааковича Рубина - Анне Семеновне Рубиной (Гросс) в Коканд 28 декабря 1942 г.

¹⁹ Письмо медсестры Малахальцевой - Аркадию Семеновичу Гроссу 12 января 1943 г. в Коканд.

²⁰ Письмо медсестры Калининой - Фаине Анисимовне Горелик в г. Красноармейск Саратовской обл. 9 февраля 1944 г.

скончался 15 марта 1944 г. Семья получила извещение о том, что тело умершего было предано земле на кладбище г. Боровичи Ленинградской области.²¹

В июле 1943 г. лейтенант С.А. Талетов писал Бетти Рубиной в ответ на ее желание посетить могилу мужа Геннадия Шведика²² и занять его место в строю, что она не имеет представления, что такое война: «Сюда ворота широкие, но отсюда очень узкие. Советую Вам хорошенько помозговать, чтобы потом не каяться. Возьмите себя в руки, и пусть он будет вечно с Вами. Возможно, что завтра уже и Вы от меня не получите весточки, не вспоминайте ... Были бы Вы поближе, я бы Вам его разрисовал полностью, а так что у меня даже руки как бы ни черта не пищут, просто тяжело рассказывать. Да и всего не расскажешь. Мысли путаются и все получается вроде ...»²³

Полное сочувствия письмо Бетти получила от Михася Лынькова в январе 1944 г.: «Знаю это по собственному тяжелому опыту. У меня ведь страшная трагедия - немецкие палачи зверски замучили мою жену и маленького сына Марика. Разве можно это простить, разве можно это забыть?»²⁴ Писать об этом тяжело ... Желаю Вам мужественно перенести постигшее горе».²⁵

3. Развеешь сомнение

Многие родственники погибших отказывались верить письмам однополчан до получения официальной «похоронки». Они придавали преувеличенное значение любым разночтениям, рассчитывали на недоразумение, путаницу, что на самом деле их близкий человек жив и скоро подаст о себе знать. Нина Эпштейн из Ленинграда писала мужу Якову в апреле 1945 г. в Германию, что она еще «чутьочку» надеялась, что их сын Зорик²⁶ жив, поскольку извещения из госпиталя не поступало: «Мы получили три письма и все разные. В первом, которое от меня спрятали, было сказано, что Зорик был убит 29 января 1945 г., потом что он был ранен, а умер 3 февраля, а товарищ, который вынес Зорика из боя, пишет, что он был ранен 29 января, а умер через два дня на польской территории. Вот мне и кажется, что его забрали в госпиталь, а остальное они предполагают или по слухам». И добавляла: «Мне так хочется верить. Если ты узнаешь, что это правда, тогда всеми силами узнай адрес госпиталя и запроси, кто был при нем последние часы, был ли он в

²¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 11458, д. 313.

²² Геннадий (Генах) Борисович Шведик (1914-1942 гг.), еврейский поэт, добровольно вступил в Красную Армию весной 1942 г. в Намангане, пулемётчик 210-го полка 82-й стрелковой дивизии, умер от ран 11 октября 1942 г., похоронен на окраине села Двоешки Кармановского района Смоленской обл.

²³ Письмо С.А. Талетова – Бетти Борисовне Рубиной 14 июля 1943 г. // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (далее БГАМЛИ), ф. 55, оп. 1, д. 295, л. 23.

²⁴ Михаил Тихонович Лыньков (1899-1975 гг.), белорусский советский писатель, общественно-политический деятель, в 1927 г. женился на учительнице из Свержня Хане Абрамовне Аранковой, которая вместе с сыном Мариком в сентябре 1941 г. погибла от рук нацистов в Стародорожском районе Минской области.

²⁵ Письмо М.Т. Лынькова – Бетти Борисовне Рубиной 14 января 1944 г. // БГАМЛИ, ф. 55, оп. 1, д. 296, л. 5.

²⁶ Георгий (Зорик) Яковлевич Эпштейна, мл. лейтенант, переводчик разведывательного отдела Штаба 2-й гвардейской танковой армии // Центральный архив Министерства обороны России (далее ЦАМО), ф. 33, оп. 686196, д. 4244, л. 387.

сознании, очень ли мучился, что ему делали, что он говорил, кого вспоминал, где похоронен?»²⁷

В это же время Яков Эпштейн писал своей дочери: «Мне так хочется надеяться, что славный мальчик опять к нам вернется. Пусть и калекой. Не беда. Лишь бы он был с нами. Не хочется думать о самом тяжелом. Гоню плохие мысли и хочу надеяться, что все обойдется».²⁸ В письме своей жене Нине 19 апреля 1945 г. Яков высказал предположение, что если их сын тяжело ранен, то, конечно, ему не до писем и пытался это обосновать: «Я знаю по опыту наших раненых. Обычно в этом отношении наши комсомолки стараются выудить адрес и написать за них письмо»²⁹. 9 мая 1945 г. Нина продолжала, что из госпиталя ничего нет и это кажется ей очень странным: «Вдруг Зорик жив и где-нибудь мучается, и лечения настоящего нет? Конечно, радостно, что кровь больше не летит рекой, но так тяжело за нашего сына. Бедный наш мальчик, неужели он ничего это не узнает, неужели мы его никогда больше не увидим?»³⁰ В тот же день Яков писал Нине в унисон: «Сегодня день победы, а так грустно, как никогда. Был у нас митинг, и меня вызвали выступить. Я боялся, что при всех разревусь, и быстро кончил и ушел. Как дорого нам обошлась эта война. Потеряли мы самое ценное, что у нас было. Стоит мне придти к себе, как начинается тоска. Воспоминания, все так четко. Не верится»³¹.

11 мая Нина Яковлевна писала, что все мысли возвращаются к «нашему мальчику»: «В глубине души я еще на что-то надеюсь, даже не ощущаю радость победы и скорой встречи с тобой. Все омрачено, и жизнь становится невыносимой».³² 1 июля 1945 г. она все еще не могла успокоиться: «Через два дня уже пять месяцев, как нашего мальчика не стало. Не знаю, что мне с собой сделать, то ли начать пить или курить? Я ни минуты не могу о нем забыть, а оставаться одной в комнате боюсь и я бегу все равно куда, на улицу, к соседям, в трамвай».³³

Софья Абрамовна Чубарова искала следы своего брата Владимира. В октябре 1943 г., обращаясь к нему, она спрашивала, почему так долго нет письма: «Если с тобой что-то случилось, я с этим смирюсь, на то война и какая война... Мы с Соней получили от какого-то бойца Беленького нехорошее письмо, которому не верим, но не можем очнуться. В военкомате нам заявили, что доверять можно только официальным сообщениям, которые тоже могут быть ошибочными. Военком послал запрос в полевую часть, но ответа нет до сих пор». И продолжала: «Володя, может ты в госпитале и оттуда трудно отправить письмо? Умоляю, что с тобой? Я ко всему готова, только чтобы ты был жив».³⁴

²⁷ Письмо Нины Эпштейн - Якову Эпштейну 27 апреля 1945 г.

²⁸ Письмо Якова Абрамовича Эпштейна - Рут Яковлевне Эпштейн 20 апреля 1945 г.

²⁹ Письмо Якова Абрамовича Эпштейна - Нине Яковлевне Эпштейн 19 апреля 1945 г.

³⁰ Письмо Нины Яковлевны Эпштейн - Якову Абрамовичу Эпштейну из Ленинграда, 9 мая 1945 г.

³¹ Письмо Якова Абрамовича Эпштейна - Нине Яковлевне Эпштейн 9 мая 1945 г.

³² Письмо Нины Яковлевны Эпштейн - Якову Абрамовичу Эпштейну из Ленинграда, 11 мая 1945 г.

³³ Там же, 1 июля 1945 г.

³⁴ Письмо Софьи Абрамовны Чубаровой из г. Наманган, Узбекская ССР - Владимиру (Вольфу) Абрамовичу Чубарову 15 октября 1943 г.

В письме А.И. Беленького от 24 августа 1943 г., на которое ссылалась Софья Абрамовна, было всего несколько предложений: «Извините за такое печальное письмо, но все-таки я решил написать за вашего брата В.А. Чубарова о том, что он 23 августа умер храбростью в бою с немецкими оккупантами. Я написал по его письмам, где нашел Ваш адрес».³⁵ Через месяц письмо Софьи Абрамовны в адрес брата вернулось с пометкой “доставить невозможно”. Вслед за этим пришло и официальное извещение, в котором говорились, что лейтенант В.А. Чубаров погиб в бою 22 августа 1943 г. и был похоронен в с. Пенна Старо-Русского района Ленинградской области.

Осенью 1943 г. военный госпиталь запрашивала о смерти единственного сына Ефима (Хаима) Анна Ефимовна Заславская³⁶: «Последнее письмо от него семья получила 20 июля 1943 г., а 29 июля, как вы сообщаете, мой сын умер от ран. Прошу поднять историю его болезни, подробно описать ранение, которое он получил и куда в каком состоянии был доставлен? Не могла ли произойти какая-то ошибка? Не хочется верить, что такое смелое, выносливое дитя так быстро погибло. Может при нём сохранились карточки или какой-то документ, прошу нам его выслать. Или товарищи по палате восстановят в памяти его просьбы? Молю военный госпиталь сообщить и это облегчит наше горе».³⁷

В последнем письме Ефим сообщал родителям, что находился со своим танком в 2-3 км от передовой: «Нам готовят место для прохода. Если по радио будут передавать о взятии Орла, то я там. Если со мной что-нибудь случится, вам сообщат».³⁸ Ответ на запрос Анны Ефимовны Заславской пришел только в январе 1944 г. В нем сообщалось, что госпиталь № 444, где умер Фима, был перебазирован из г. Ефремова в г. Орёл.³⁹ Третья гвардейская танковая армия, где воевал л-т Заславский, была сформирована в мае 1943 г., и придана в качестве резерва Ставки Верховного Главного командования для участия в Орловской наступательной операции. Советское наступление развернулось по всему фронту 12 июля 1943 г. К утру 5 августа был освобожден Орёл, а к 18 августа 1943 г. советские войска подошли к Брянску. Благодаря победе в Орловской операции было обеспечено общее наступление Красной Армии на Запад.⁴⁰

Татьяна Иосифовна Горбань писала в сентябре 1945 г. на имя пропавшего мужа Арона Мазлера, что уже 8 месяцев не получает от него известий: «Я никак не могу понять, что с тобою произошло. Из госпиталя сообщили, что тебя направили в тыл, а куда, им не известно. Потом я получила две посылки, но кто их отправил не понятно. Прошу ответить тремя словами: “Я, Арон, жив”. Это

³⁵ Письмо А.И. Беленького, п/п 02394-Г – С.А. Чубаровой 24 августа 1943 г.

³⁶ Ефим Петрович Заславский (1924-1943 гг.), лейтенант, командир роты 88-й танковой бригады // ЦАМО, ф.58, оп. 18001, д. 567.

³⁷ Письмо Анны Ефимовны Заславской (Португаловой) из Ферганы Узбекской ССР – гл. врачу госпиталя №2305 Аронсону.

³⁸ Письмо Ефима Петровича Заславского 20 июля 1943 г.

³⁹ Письмо Комилева – А.Е. Заславской 13 января 1944 г.

⁴⁰ Л. Смиловицкий. “Привет всем. Целую вас Фима”. *Секрет* Приложение к газ. «Новости недели» (Тель-Авив), № 973, 23 декабря 2012 г., с. 42-44.

поможет успокоиться. Возвращение демобилизованных и отпускников режет душу до невозможности, и я страшно переживаю. Целую много, много раз. Одно жалко, что целую только бумагу. Посылаю лист с конвертом для ответа».⁴¹

Последнее письмо от Арона Татьяна Иосифовна получила в феврале 1945 г. В нем говорилось, что он находится в советском госпитале на территории Германии и что он был ранен в голову при форсировании р. Одер: «Мое состояние здоровья пока ничего, но руки не слушаются, а как окрепнут, я тебе подробно напишу. За меня не волнуйся, я жив. Не беспокойся, это не я сам пишу, буду стараться скорее выздороветь».⁴² В июне 1945 г. Татьяна получила письмо от медсестры, в котором прочтала, что Арон Мазлер поступил к ней в палату в очень тяжелом состоянии, Он долго боролся со смертью, но спасти его врачам не удалось и 26 февраля 1945 г. Арон умер: «Я послала вам посылку не по его просьбе, а в соответствии с существующими в госпитале правилом отправлять вещи умерших на имя родственников».⁴³

В качестве доказательства скорбной вести, которой родные порой отказывались верить, однополчане или работники госпиталя приводили подробности. Аня Вольфсон и ее четыре подруги погибли от прямого попадания на бруствер окопа авиабомбы⁴⁴. Моисей Еврейсон был смертельно ранен во время атаки в голову и грудь.⁴⁵ Григорию Каплуну пробило левый бок и голову, раздробило череп и оторвало руку.⁴⁶ Михаила Надельштейна убило очередью из танкового пулемета выше пояса.⁴⁷ Яков Брегман погиб от разрыва вражеского снаряда.⁴⁸ Георгий (Зорик) Эпштейн был смертельно ранен пятью пулями из крупнокалиберного пулемета в спину с самолета.⁴⁹

Начальник военного госпиталя Меремьянин, отвечая на запрос Хаима Симховича о судьбе его сына, сообщал в апреле 1944 г., что красноармеец Павел Симхович был ранен 5 января 1944 г. и поступил в госпиталь с диагнозом: общая контузия и слепое осколочное ранение позвоночника и тазовой кости. Павел все это время находился в сознании и умер 9 января 1944 г.⁵⁰ Из последнего письма Павла в декабре 1943 г. семья знала, что он находился на передовой в ожидании наступления: «Я пушкой хорошо владею, и буду метко бить по танкам противника. Перед боем мои мысли летят к вам, и я все спрашиваю себя, как вы живете? Прошу не падать духом и хладнокровно ждать развертывания событий. Жив останусь, будем

⁴¹ Письмо Татьяны Иосифовны Горбань – Арону Ушировичу Мазлеру 9 сентября 1945 г.

⁴² Письмо Арона Ушеревича Мазлера - Татьяне Иосифовне Горбань в с. Жабокрич Крыжопольской р-на Винницкой обл. 11 февраля 1945 г.

⁴³ Письмо из госпиталя на имя Татьяны Иосифовны Горбань 29 июня 1945 г.

⁴⁴ Письмо Бэле Вольфсон от однополчан ее сестры Ани Вольфсон 20 июня 1943 г.

⁴⁵ Письмо Бориса Ивановича Голубева – Доре Соломоновне Рубиной в Ленинград 15 февраля 1944 г.

⁴⁶ Письмо Федора Ивановича Малова - Гисе Исеровне Клибанер 21 сентября 1944 г.

⁴⁷ Письмо Новикова – Давиду Самойловичу Надельштейну 11 марта 1943 г.

⁴⁸ Письмо Александра Михайловича Семенова – Елене Михайловне Глозман 25 января 1945 г. в г. Житковичи Полесской обл. БССР

⁴⁹ Письмо Корниенко – Искре Федоровне Уткиной, жене Георгия Яковлевича Эпштейна 1 апреля 1945 г.

⁵⁰ Письмо начальника госпиталя п/п 06177 Меремьянина из Житомира – Хаима Симховичу 15 апреля 1944 г.

жить счастливой жизнью. Не вернусь – тогда знайте, что пал, защищая Родину».⁵¹ В официальном извещении, которое семья получила о смерти Павла Хаимовича Симховича, было сказано, что он скончался от ран и был похоронен на еврейском кладбище г. Житомира.⁵²

Зоя Волкова в марте 1945 г. просила сослуживцев своего брата Бориса описать подробности его гибели: «Это известие убило всю нашу семью. Да, действительно для нас это большой удар, ведь я потеряла двух братьев. Как это переживет мама, она у нас плачет день и ночь». До “похоронки” о смерти Бориса Волкова его семья получила конверт с двумя временными удостоверениями на орден “Красной Звезды” и на медаль “За отвагу”, высланные из госпиталя п/п 01892 без всякого объяснения. После этого переписка с Борисом прекратилась, и семья заволновалась. Зоя умоляла однополчанина: «Миша, опиши, как его ранило. Как отвезли в госпиталь, близко это было или далеко. Оторвало ли совсем ноги или только попало в ступню, был ли он при памяти? Как Борис умирал и расставался с жизнью, с белым светом и как он прощался»⁵³ Старший сержант Борис Александрович Волков, командир орудия 2-й батареи гвардейского истребительного противотанкового полка 16-й артиллерийской бригады 33-й Армии умер от ран 13 января 1945 г. и был похоронен в местечке Люкошен Шталлупененского района Гумбинненского округа в Восточной Пруссии.⁵⁴

Медсестра Лиза сообщала в письме отцу Юрия (Юды) Воробьева, что его сын был тяжело ранен во время наступления осколком с повреждением тазобедренного сустава и в пах 20 декабря 1944 г., а 3 января 1945 г. “он покинул белый свет”: «Юра храбро сражался с фрицами, даже тогда, когда был уже ранен, и, пока не потерял сознание, бился, лежа в траншее. Затем его привезли в наш госпиталь. Ему сделали операцию, после чего чувствовал неплохо, но потом началось осложнение. Очень ему не хотелось помирать, до последнего говорил и кушал. Рассказывал, как его ранило и кто у него есть дома, часто вспоминал маму, когда ему было тяжело. Кормила все время я его из ложки и поила из поильничка».⁵⁵ За свой последний бой лейтенант Воробьев был посмертно удостоен ордена Отечественной войны 2-й ст. В наградном листе было сказано, что в боях юго-восточнее местечка Пампали Салдусского района Латвийской ССР л-т Воробьев, командир стрелкового взвода 742-го полка 164-й Витебской дивизии 4-й ударной Армии 1-го Прибалтийского фронта личным примером воодушевлял бойцов, взял в плен 12 солдат и офицеров врага, участвовал в отражении контратак противника и был тяжело ранен.⁵⁶

4. Похоронить «хорошо»

Однополчане считали себя обязанными сообщить родным о смерти боевого товарища, сказать последнее доброе слово, заверить, что он был похоронен «по-

⁵¹ Письмо Павла Хаимовича Симховича – Хаиму Израилевичу Симховичу в Чарджоуской области Туркм.ССР 5 декабря 1943 г.

⁵² Извещение военного комиссариата к. Бугун-Узун Молотовского р-на Чарджоуской обл. 29 февраля 1944 г.

⁵³ Письмо Зои Александровны Волковой 18 марта 1945 г.

⁵⁴ ЦАМО, ф. 58, оп. 18003, д. 242.

⁵⁵ Письмо медсестры Лизы – Шмуилу Килевичу Воробьеву 3 января 1945 г.

⁵⁶ ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 870, л. 153.

человечески» с отдаванием воинских почестей. Письмо на смерть товарища имело и практическую сторону – назвать адрес захоронения, чтобы родные могли туда приехать и преклонить голову. Лейтенант С. Н. Латышев писал в июне 1942 г. отцу Давида Лиюкумовича,⁵⁷ что его сын погиб смертью храбрых при выполнении служебных обязанностей: «Давид, бывший мой боец, который честно и добросовестно относился к своим обязанностям. За хорошую службу мы его направили учиться в школу младших командиров, которую он окончил на “отлично”, и получил звание старший сержант. Давида похоронили на сопочке, через которую я часто прохожу и вспоминаю, около его могилы сейчас кругом зелено, растут молодые березки».⁵⁸

Лейтенант В. Ф. Суслов сообщал А.И. Смеречинскому, что сержант Я.И. Мухар служил у него командиром взвода: «Спасибо Вам за такого солдата. В боях он показал себя, как герой, и погиб смертью храбрых около реки Висла при расширении флангов противника. Тело Мухара было подобрано и похоронено в с. Рогины, около церкви и поставлен памятник с надписью: “Погиб смертью храбрых в борьбе с немецкими захватчиками”».⁵⁹ Аню Вольфсон и ее подруг похоронили на поле боя в 1200 м на юго-восток от станции ст. “Узловая-пассажирская”, у переезда железной дороги Елецк-Рязск Московской области. На могиле был поставлен памятник с указанием фамилий и имен солдаток.⁶⁰ Тело Григория Дранова предали земле на братском кладбище в 800 м северо-восточной платформы “Анишино” ст. “Рускасовка” Ленинградской обл.⁶¹ Моисея Еврейсона похоронили в лесу вблизи д. Большие Горки и д. Порошки Ораниенбаумского района Ленинградской области.⁶² Михаила Надельштейна – в д. Пырненка Людиновского района Орловской области.⁶³

Григория Каплуна, по словам Федора Малова, похоронили “хорошо”: «На похоронах я присутствовал сам лично и сам закапывал СО СВОИМИ ТОВАРИЩАМИ»⁶⁴ (выделено в письме крупными шрифтом – ЛС). Погребение Льва Медынцева взял на себя его близкий товарищ Ф. Бородин, который сообщал жене Екатерине, что похоронили его “по-человечески” под артиллерийский салют.⁶⁵ Михаила Надельштейна предали земле с воинскими почестями в д. Крестьянская гора Жиздринского района Орловской области.⁶⁶ Юрий Пинский,

⁵⁷ Давид Львович Лиюкумович (1921-1942 гг.), рядовой 289-й стрелковой дивизии 32-й Армии, погиб 15 апреля 1942 г. и похоронен западнее озера Каски, 40 км северо-восточнее Онежского озера.

⁵⁸ Письмо Сергея Николаевича Латышева – Льву Шоломовичу Лиюкумовичу в г. Казалинск Кызыл-Ординской обл. Казах. ССР 17 июня 1942 г.

⁵⁹ Письмо В.Ф. Сулова - А.И. Смеречинскому в г. Котовск Одесской обл. 1 октября 1944 г.

⁶⁰ Письмо Бэле Вольфсон от однополчан ее сестры Ани Вольфсон 20 июня 1943 г.

⁶¹ Письмо Николая Ивановича Коровина - Дине Израилевне Драновой на ст. Сухи-Безеодная Смоленского р-на Горьковской обл. 1943 г. Без точной даты.

⁶² Письмо Бориса Ивановича Голубева – Доре Соломоновне Рубиной в Ленинград 15 февраля 1944 г.

⁶³ Письмо подполковника Сулова и майора Дмитриева – Давиду Надельштейну 14 апреля 1943 г.

⁶⁴ Письмо Федора Ивановича Малова - Гисе Исеровне Клибанер 21 сентября 1944 г.

⁶⁵ Письмо Ф. Бородина - Екатерине Медынцевой 23 марта 1945 г.

⁶⁶ Письмо Новикова – Давиду Самойловичу Надельштейну 15 марта 1943 г.

как мы узнаем из письма его сослуживца Спиридонова, умер от ран в госпитале и был похоронен на офицерском кладбище в "одном немецком городке в проклятой Восточной Пруссии": «Я сделал ему гроб, сам рыл могилу и закопал...»⁶⁷

Бориса Гинзбурга, по свидетельству Бориса Шварцмана,⁶⁸ товарищи похоронили в сталинградской степи у железной дороги в братской могиле: «Пройдут года, могила, где похоронен Боря порастет травой (эта фраза в оригинале письма была перечеркнута двумя тонкими сплошными чертами. По-видимому, сам автор понял свою бестактность – Г.Рейхман). Дети будут каждый год возлагать венки на место, где похоронены Борис и его товарищи, героически павшие за освобождение их родного города».⁶⁹

Захоронения на местах боев нередко носили временный характер, индивидуальные могилы, как правило, представляли собой невысокий земляной бугорок и примитивную фанерную пирамидку с именем и фамилией, выведенными даже не краской, а химическим карандашом. Они часто приходили в негодность из-за атмосферных осадков, хозяйственных работ, строительства дорог и пр. Исходя из этого, индивидуальные захоронения часто свозили на братские кладбища.

Арон Ушеревич Мазлер сначала был похоронен на территории госпиталя г. Швибус в Любошском воеводстве, а, затем перезахоронен г. Мензыжеч на кладбище советских воинов.⁷⁰ Останки Юрия Хаимовича Пинского в 1953 г. были перезахоронены на воинском кладбище в братской могиле поселка Енино Пушкинского сельсовета, что в 20 км от Багратионовска Калининградской области.⁷¹ Прах лейтенанта Юды Воробьева был перенесен на братское кладбище в пос. Пампали Салдусского района Латвии. На кладбище был установлен стандартный бетонный памятник и 101 памятная плита из чёрного и чёрно-красного камня с указанием фамилий, инициалов и звания 6304 воинов, из которых удалось установить 6086 воинов.⁷²

Первичным местом захоронения младшего политрука Льва Шахновича Нехамкина стало с. Алексеевка Корочанского района Курской области.⁷³ По словам внука Льва Сергея Владимировича Нехамкина, его бабушка Мэра и отец Владимир в 1945 г. съездили в село Алексеевка и "более-менее" обустроили могилу. В 1965 г. останки Льва Шахновича были перезахоронены в общей братской могиле в райцентре Короча (ныне Белгородской обл.).⁷⁴ В 1983 г. братская могила была включена в единый государственный реестр памятников истории и культуры народов Российской Федерации. В парке им. Г. Гая в г. Короча был установлен

⁶⁷ Письмо Спиридонова - Гисе Исааквне Пинской 31 июня 1945 г.

⁶⁸ Письмо Бориса Шварцмана - Илье Евсеевичу и Софье Менделевне Гинзбургам 3 июля 1943 г.

⁶⁹ Григорий Рейхман, *За пять дней до девятнадцатилетия*, „Еврейский камертон“, приложение к газ. «Новости недели» (Тель-Авив), 6 октября 2005 г.

⁷⁰ Письмо Романа (Рулика) Ароновича Мазлера из Кирьят Шмона - Леониду Смиловицкому в Иерусалим 7 сентября 2014 г.

⁷¹ Письмо из Багратионовского райвоенкомата Калининградской области - Г.И. Пинской 15 августа 1961 г.

⁷² Архив автора.

⁷³ ЦАМО, ф. 58, оп. 818883, д. 367, л. 7.

⁷⁴ Письмо Сергея Владимировича Нехамкина из Минска - Л. Смиловицкому в Иерусалим, 20 октября 2020 г.

памятник на стилобате, по периметру которого было укреплено 12 гранитных плит с именами и фамилиями 400 чел. Перед скульптурной композицией горит “вечный огонь”.⁷⁵

Однако не все имена погибших красноармейцев при перезахоронении сохранились. Первичным местом захоронения санитаря Льва Израилевича Чечика, погибшего в январе 1943 г., стала братская могила в д. Верхняя Серебряковка Зимовниковского района Ростовской области.⁷⁶ В послевоенные годы она была обустроена, но имени Льва Чечика на ней не оказалось.

5. Сказать последнее доброе слово

За отправку посмертных писем для рядового состава отвечали офицеры в ранге командира взвода или роты, батареи, эскадрильи от лейтенанта до капитана. Командиры батальона, полка или дивизии в лучшем случае могли только завизировать такое письмо и то в исключительном случае, если речь шла о выдающемся подвиге, а не просто смерти бойца на поле брани или в результате бомбардировки. И это можно понять, поскольку потери в личном составе Красной Армии ежедневно исчисляли тысячами, а в ходе наступления по всему фронту – десятками тысяч. Письма, направлявшиеся семьям, как правило, были выдержаны в превосходной степени. Они расписывали достоинства погибшего воина, его личные качества, верность исполненному долгу. Это делалось в произвольной форме, но по заведенному стандарту, который сложился после неоднократного повторения. В письме обязательно подчеркивалось, что погибший красноармеец воевал бесстрашно, всегда был готов прийти на помощь, поделиться последним, много сделал для победы. Описывались обстоятельства гибели с указанием, что стало причиной смерти (погиб в бою, во время атаки, рукопашной схватки, от бомбы или от мины), или спасая товарища на поле боя. После этого в обязательном порядке следовало обещание отомстить десятками или сотнями врагов за одну его жизнь. Комиссар партизанской бригады им. Щорса Колесов писал в сентябре 1943 г. вдове Абрама Залмановича Столова, что ее мужа, который погиб в бою 17 мая 1943 г., похоронили в лесу “со всеми партизанами и почестями”: «Абрам Залманович был всеобщим любимцем, которого уважали за его честность, смелость и отвагу. В недалеком будущем мы освободим наш район, и перевезем тело Вашего мужа в город, где предадим земле».⁷⁷

Заключительная часть посмертного письма нередко содержала пожелание “сильно не огорчаться”, “не принимать слишком близко к сердцу”, “он не один, таких много”. Это мотивировалось тем, что нужно “копить силы для победы над врагом”, “не ваш сын первый и не последний”, “мы сами ежедневно смотрим смерти в лицо”. Рефреном выделялась мысль о том, что никакие жертвы не остановят советский народ и его славную Красную Армию на пути к разгрому нацистской Германии.

⁷⁵ Официальный сайт Корочанского района Белгородской области <http://korkultura.ru/objects/pamyatnikislavi>

⁷⁶ ЦАМО, ф. 58, оп. 18001, д. 813, л. 14.

⁷⁷ Письмо комиссара партизанской бригады им. Щорса В.И. Колесова и секретаря нелегального райкома КПБ (б) И.С. Можукина в Брянской обл. – Анне Ивановне Столовой 2 сентября 1943 г.

Лейтенант Сергей Латышев писал сестре своего погибшего командира взвода Давида Лиокумовича: «Лиза, я прошу Вас особенно не расстраиваться, ибо я уверен, что Ваш младший брат, идущий на смену Давида, будет мстить проклятым извергам, и перебьет несколько фашистов. Кровь за кровь. Смерть за смерть».⁷⁸ Михаил Лиокумович, командир взвода 438-го стрелкового полка, по примеру брата Давида ушел на фронт и погиб у д.Шатково Бобруйского района Могилевской области 30 июня 1944 г.⁷⁹

Эти слова и пожелания, правильные по своей сути, оказывались абсурдными по форме. Уговаривать, советовать или рекомендовать родителям, матерям и женам, братьям и сестрам убитых или умерших от ран красноармейцев «особенно не расстраиваться» звучало, если не абсурдно, то кощунственно, но имело свое объяснение и логику. Цена человеческой жизни была невелика. Общественная атмосфера, как на фронте, так и в тылу требовала предельной жертвенности, которая выражалась в формуле “родина дороже жизни”. Слова “нас много, всех не убьет” должны были объяснить, что советский народ непобедим, а смерть отдельно взятого солдата – это не такая важная потеря.

Письмо трагического содержания о смерти близкого человека являлось страшным потрясением для всей семьи. Родные погибшего фронтовика, получившие это известие, не могли представить себе дальнейшую жизнь без того, кто был неотъемлемой частью их духа и плоти. Казалось, что никакая радость победы не сможет затмить, горя семьи.

Постараемся показать это на примере переписки семьи Айзенштатов-Вайнштейнов-Трайниных-Додиных-Раскиных, которая охватила Москву, Усть-Каменогорск, Харьков, Кемерово, Уфу. Все началось с письма медсестры Гликерии Фока из Красногорского госпиталя Московской области 20 марта 1942 г., в котором говорилось, что Григорий Азейнштат при разминировании был тяжело ранен и умер. Приводились подробности: «У него была раздроблена левая нога до колена, лицо все обожжено, без левого глаза, и левая рука ободрана до кости – от локтя и кисть. Жил всего 45 минут. Был в сознании, сильно кричал, просил помощи: “Спасите, жить хочу!”, вспоминал братьев, жену и сына. Но скоро потерял сознание и скончался».⁸⁰ Медсестра Г.И. Фока, сообщавшая Айзенштапам о смерти их сына в конце сделала приписку, что ей тяжело писать такое письмо, поскольку она сама переживает подобное горе.

8 апреля 1942 г. Гита, вдова Григория, обращалась в письме к своей свекрови Рахили Яковлевне Айзенштат: «Мамочка родная! Приласкайте ласковым словом! Обогрейте теплым письмецом! Два дня я пробыла у соседки, не могла находиться на глазах у Толи (сын Григория и Гиты 6 лет – ЛС). Ночами сидят со мной папа и Бэла. Неужели, мои дорогие, я это смогу пережить? Дикая мысль меня изводит. Сердце совсем плохое. Сильно болит голова. Я уже три дня в постели, у меня ужасные судороги в ногах».⁸¹ Потом она обращалась к Матвею Айзенштату, брату

⁷⁸ Письмо Сергея Николаевича Латышева – Елизавете Львовне Лиокумович в г. Казалинск Кзыл-Ординской обл. Казах. ССР 26 июля 1942 г.

⁷⁹ ЦАМО, ф. 58, оп. А-65852, д. 3.

⁸⁰ Письмо Гликерии Ивановны Фока, медсестры Красногорского госпиталя – Евно Хаимовичу Айзенштату в г. Уфу 20 ма

⁸¹ Письмо Евгении Павловны Вайнштейн из г. Кемерово – Рахили Яковлевне Айзенштат в г.

мужа: «Мотик! Как тяжело... Что меня ждет? Теперь я все потеряла. Кто вырастит сына? Ему нужен был отец, как вся жизнь». ⁸²

10 мая Ефим Айзенштаг писал своим родителям, сестре и брату, находящимся в эвакуации в Уфе: «Горе наше огромно и несчастье велико, в сердце образовалась рана навеки, только смерть может изгладить эту боль. Пусть его светлый образ будет всегда перед нами всеми, пусть его смерть увеличит наш гнев к подлым убийцам, бандитам, разбойникам из Берлина. Смерть варварам. Смерть фашистам. Смерть убийцам. Гришу, моего родного брата мы больше не увидим и не услышим. Его любимый Анатолий, сыночек, осиротел – мы все без него сироты. Крепитесь, родные, нужно это переживать, нужно воспитать Толю. Его смерть будет отомщена народом». ⁸³ Это было последнее письмо, полученное от Ефима. В начале июня 1942 г. он пропал без вести в ходе Харьковско-Изюмской операции.

11 мая 1942 г. Галина Трайнина (двоюродная сестра погибшего) писала, что ее настолько ошеломило известие о смерти брата, что она не могла прийти в себя: «Так хочется отомстить проклятым гадам! Возможно, что меня скоро пошлют на медкурсы, и, если только удастся попасть на фронт, я постараюсь отомстить злодеям за смерть брата! В этом я вам клянусь, а пока мужайтесь, не надо опускать голову. Будет и всем этим сволочам конец не в далеком будущем». ⁸⁴ Однако планам Галины не суждено было сбыться, она тяжело заболела малярией и вынуждена была долго лечиться.

Подобные чувства переживали тысячи семей фронтовиков. Вульф Каганович писал своей жене Асик в январе 1944 г., что ушел из жизни его брат Миша: «На белом свете мне уже делать нечего, Миша убит последним, а его смерть должна явиться и моей смертью, которую я уже ношу с собой. Рассуди правильно и не осуждай меня. Сына залечили врачи, родители умерли с голоду, все три любимых брата погибли на разных фронтах, сестра убита, и все близкие мне родные убиты, в том числе и Иосиф. У меня осталась маленькая горсточка, а какая? Полиночка, ты и Фира - три веточки от такого большого дерева, а я гнилой корень». ⁸⁵

Юрий Еврейсон вспоминал, что на следующее утро после того, как семья получила извещение о смерти его отца Моисея Марковича Еврейсона, он увидел свою мать Дору Соломоновну Рубину совершенно седой: «Маме было 39 лет, и на тот момент она была жгучая брюнетка. Это меня поразило, я буквально ее не узнал, ее волосы были абсолютно белыми. Я бы никогда не подумал, что такое возможно, но сам стал свидетелем». ⁸⁶

Уфу 8 апреля 1942 г.

⁸² Там же.

⁸³ Письмо Ефима Евгеньевича Айзенштага – Евно Хаимовичу и Рахили Яковлевне Айзенштагам 10 мая 1942.

⁸⁴ Письмо Галины Марковны Трайниной – Евно Хаимовичу и Рахили Яковлевне Айзенштагам 11 мая 1942 г.

⁸⁵ Письмо Вульфа Моисеевича Кагановича – Хасе (Асик) Мордуховне Каганович на ст. Профинтерн в Домборшахтстрой Чкаловской обл. 29 января 1944 г.

⁸⁶ Письмо Юрия Моисеевича Еврейсона из Ленинграда – Л. Смиловицкому в Иерусалим 6 июня 2012 г.

6. Мотив мести

Большинство посмертных писем содержали обещания отомстить за гибель боевого друга, оставить на поле брани десятки, а то и сотни трупов врага. Мотив враг “жестоко поплатится” был понятен, общепризнан и востребован. Призыв не жалеть немца служил не только тезисом советской пропаганды, но и стал частью общественного сознания. Идея возмездия, беспощадной расплаты за все страдания, утраты и человеческие жертвы принималась как справедливая кара врагу, которую он обязательно понесет.

Для усиления значимости призыва к мести в переписке между фронтом и тылом использовались яркие эпитеты, которые должны были усилить общий эмоциональный фон письма, а именно: “кровавый враг”, “кровожадные псы”, “немецкие собаки”, “черная свора”, “проклятые изверги”, “выродки-душегубы”, “гады” и др.

Смерть на войне считалась геройской, даже если она произошла от обстрела, бомбы, мины, шальной пули, а не только во время штурма обороны противника, рукопашной схватки, танковой атаки, форсирования водной преграды и пр. В письмах-прощаниях подчеркивалось, что отомстить за смерть боевого друга это требование матери-родины. «Родина требует – мстить за погибших товарищей, отцов, матерей, детей, замученных кровавым врагом, за разорение наших сел и городов, недалек тот час расплаты, когда враг ответит за это за все» - писал Корниенко Искре Уткиной на смерть ее мужа Зорика Эпштейна.⁸⁷

«Вы, как патриот Родины, на настоящую обстановку смотрите совершенно правильно. Мстить врагу за утерю своих родных и близких – самое ценное для Вас. Крепите мощь тыла, проявляйте материнскую заботу о детях фронтовиков, о детях, осиротевших от наглых фашистов. Мы помним, что с врагом придется еще драться в больших сражениях и за смерть Вашей сестры, мужа, за смерть Героического Советского народа ОТОМСТИМ!» - заявляли Бэле Вольфсон однополчане Ани Вольфсон.⁸⁸

Потеря товарища подавалась как неизбежная жертва в общей борьбе за Победу: «Прошу Вас о нем не плакать, ведь теперь его не воротишь, а на войне без потерь не бывает».⁸⁹ Исходя из такой логики, жены и матери, потерявшие на войне своих мужей и сыновей, должны были, прежде всего, принимать постигшее их горе с общественных позиций, “не раскисать”, крепить свой дух, не тратить силы на переживания, не впадать в депрессию, сохранять оптимизм. «Я прекрасно понимаю, что у вас человеческая душа, понимаю, что это тяжело, но Вы не просто женщина, а первым долгом, Вы большевик!»⁹⁰ - писал Рувим Штейман Мэре Гилеровне Шифриной на смерть ее мужа Льва Нехамкина. «Не падайте духом. Помните, что Красная Армия уверенно идет вперед, уверенно смотрит в будущее, ибо борется за правое дело» - заверял Николай Коровин мать его погибшего друга Дину Израилевну Дранову.⁹¹ «Придет час, когда советский народ вздохнет от тягот

⁸⁷ Письмо Корниенко – Искре Федоровне Уткиной 1 апреля 1945 г.

⁸⁸ Письмо Бэле Вольфсон от однополчан ее сестры Ани Вольфсон 20 июня 1943 г.

⁸⁹ Письмо В.Ф. Сулова - А.И. Смеречинскому в г. Котовск, Одесской обл., 1 октября 1944 г.

⁹⁰ Письмо Рувима Штеймана – Мэре Гилеровне Шифриной с Западного фронта 22 марта 1942 г.

⁹¹ Письмо Николая Ивановича Коровина - Дине Израилевне на смерть ее сына Григория

фашизма, освободит родную землю от черной своры и победоносно *развесит* Красное знамя, олицетворяющее полную победу над заклятым врагом всего *програссивного человечества* (так в тексте – ЛС). Имена лучших людей сталинской эпохи войдут в историю человечества, как герои-освободители, любимцы матери-Родины. Их имена будут написаны на страницах лучших книг и литературно-музыкальных произведений» - писал лейтенант Латышев отцу погибшего друга Льву Лиюкумовичу.⁹²

В заключительной части посмертных писем однополчан часто содержались слова, которые, по мнению их авторов, должны были поддержать, помочь родным и близким погибшего товарища восстановить душевное равновесие и внушить веру в неизбежную победу над врагом. «Желаю Вам быть крепкой, бодрой, радостной и веселой. Не тужите, живите на страх врагам»⁹³ - пытался ободрить Бетти Рубинову лейтенант Талетов. «Не отчаивайтесь. Берегите силы. Они нужны для нашей общей Победы и воспитания Вашего маленького сына»⁹⁴ - заверял Борис Голубев Дору Рубину, вдову Моисея Еврейсона.

Негласный стандарт посмертного письма требовал учитывать, что целое важнее частного. Каждая конкретная потеря подавалась в глобальном масштабе войны как маленькое горе на фоне большой общенародной беды. При этом считалось, что это поможет затмить нанесенное семье горе. На самом деле потеря близкого человека для семьи было самым страшным событием, которое могло случиться на войне. Сознание общей трагедии страны и народа не преуменьшало, а обостряло эти переживания, хотя публично говорить об этом не было принято, чтобы не навлечь на себя обвинение в антипатриотизме.

7. Письма-поиск

Следующую группу писем представлял собой поиск, который начинали семьи красноармейцев, неожиданно прервавших переписку с домом. Фактически это были частные расследования, чтобы обнаружить следы пропавшего родного человека. Поскольку погасть наместособытий былонельзя, начиналась оживленная переписка с командованием воинской части, сослуживцами, однополчанами, друзьями, госпиталями по тем адресам, откуда ранее приходили письма. Поиск преследовал две цели: выяснить, действительно ли солдат (командир) погиб или произошла трагическая ошибка, поскольку такие примеры были известны, и молва разносилась о них далеко. Неправильно поданные сведения о потерях, когда тяжелораненные красноармейцы, не имея при себе документов, попадали в госпиталь в бессознательном состоянии, а на поле боя их не нашли, были тому виной. Или это могло быть окружение, пребывание в плену,⁹⁵ откуда удавалось

Моисеевича Дранова 1943 г. Без точной даты.

⁹² Письмо Сергея Николаевича Латышева – Льву Шоломовичу Лиюкумовичу в Казалинск Кзыл-Ординской обл. Казах. ССР 26 июля 1942 г.

⁹³ Письмо С.А. Талетова – Бетти Борисовне Рубиновой 14 июля 1943 г. // БГАМЛИ, ф. 55, оп. 1, д. 295, л. 23.

⁹⁴ Письмо Бориса Ивановича Голубева – Доре Соломоновне Рубиной в Ленинград, 1944 г. Без точной даты.

⁹⁵ Всего в немецком плену за годы второй мировой войны оказалось 5 млн. 754 тыс. советских солдат и офицеров // Aron Shneyer, *Pariahs among Pariahs. Soviet-Jewish POW in German Captivity*,

бежать, пребывание в партизанском отряде, не имевшем связи с командованием Красной Армии.

Поиск мог занять много времени, он затягивался на месяцы, поскольку нужные сведения запрашивали у однополчан и воинских частей, которые постоянно находились в движении, а свидетели событий участвовали в боевых действиях и тоже погибали. Медицинские учреждения, куда мог попасть раненый солдат или командир, принимали огромное количество пострадавших. Система санитарно-медицинской службы включала в себя: санитаров, которые выносили из боя раненых, дивизионный медицинский санитарный батальон, где оказывалась первая квалифицированная помощь, передвижной полевой госпиталь (ППГ) армейского подчинения (50 км от передовой), военно-санитарные поезда и стационарные госпитали, расположенные в глубоком тылу.

Людмила Гриншпунт обращалась в 1943 г. к начальнику отдела кадров воинской части, где служил ее муж политрук Яков Эммануилович Городецкий со словами: «Получив письмо от одного сержанта, где он пишет, что военком Городецкий героически погиб 5 ноября 1942 г. и был похоронен им же в станице Вознесенской Чечено-Ингушской ССР, я написала в часть, где воевал мой муж, но мне ответили, что тов. Городецкий погиб 12 декабря и похоронен в г. Малгобек. Неужели одного человека хоронят два раза, а поэтому прошу написать, если верно, что Городецкий погиб, то выслать официальный документ. На днях мне в райвоенкомате вручили документы моего мужа, замазанные кровью, но официального документа я никак не могу дожидаться. Может быть, он в партизанском отряде»? В конце письма автор просила не задерживать с разъяснением, поскольку это уже было ее третье обращение: «Если на это письмо я не получу соответствующего ответа, мне придется обратиться к тов. Сталину».⁹⁶ Л.И. Гриншпунт в годы войны работала инструктором организационного отдела Шадринского РК ВКП (б) Курганской области и была хорошо знакома с бюрократической процедурой отписок, поэтому она подробно указала свою должность и место работы.⁹⁷

Апелляция к имени Сталина в годы войны не была редким явлением. Нина Яковлевна Эпштейн в марте 1945 г. писала И.В. Сталину, что она одна из миллиона несчастных матерей потерявших своих сыновей: «Мой мальчик был честен и правдив, чрезвычайно способен и талантлив. С началом войны он стремился на фронт: “Мама, я комсомолец, мое место на передовой, а не в тылу.” Он проделал огромный путь: училище-фронт, ранение под Донцом, награды, госпиталь, военный институт иностранных языков, рапорт за рапортом с просьбой отправить на фронт. Наконец, ранение и смерть в Германии. Если бы Вы мне помогли найти его могилу, я бы нашла в себе силы жить. Может быть, мне бы удалось перевезти его прах в Ленинград и тогда поставить памятник».⁹⁸

В семейном архиве Эпштейнов нет следов ответа Сталина, и вряд ли он был получен. Вскоре по другим каналам Эпштейны установили, что их сын Зорик

1941-1945, Yad Vashem. Jerusalem. 2016, p. 56.

⁹⁶ Письмо Людмилы Иосифовны Гриншпунт 1943 г. Без точной даты.

⁹⁷ 18 июня 1942 г. Л. И. Гриншпунт получила сообщение от ППС № 1495 300 А.П. 3-й дивизиона, что старший политрук Я.Э. Городецкий пал смертью храбрых 12 ноября 1943 г. // ЦАМО, ф. 33, оп. 11459, д.125, лл. 190-192.

⁹⁸ Письмо Нины Яковлевны Эпштейн – И.В. Сталину, март 1945 г. Без точной даты.

был похоронен в феврале 1945 г. в одном километре от г. Вольдберг (Германия) рядом с лагерем военнопленных. Мать Зорика Нина писала его отцу Якову: «На подходе к лагерю в левой стороне есть парк (...) недалеко от магистрального шоссе. Далее стоит красивый домик. Рядом с ним садик, обнесенный оградой. На могилке стоит типовой памятник со звездочкой красного цвета наверху. На лицевой стороне, в рамке, врезанной в боковую часть памятника, надпись "Здесь похоронен ..."» Похороны производил офицер В.А.Кутузов, который выбыл из госпиталя.⁹⁹ Нина Яковлевна спрашивала в письме Якова Абрамовича, который ожидал демобилизации: «Может быть, вдвоем нам будет легче сносить это большое горе, но где взять силы?»¹⁰⁰ Летом 1946 г. родители Зорика Эпштейна получили ответ на свой запрос из Главного военно-санитарного Управления Красной Армии, в котором сообщалось, что поскольку госпиталь, в котором скончался их сын, был расформирован, получить сведения, что он говорил перед смертью – не представилось возможным: «Начальник отделения госпиталя, где находился ваш сын, майор медицинской службы К.И. Власов уволен в запас».¹⁰¹

В поиске семей следов пропавших красноармейцев участвовали коллеги, сослуживцы и товарищи по работе. В декабре 1945 г. коллектив сотрудников государственного геофизического треста Наркомнефти СССР направил письмо на имя полковника Либермана с просьбой выяснить судьбу лейтенанта Дмитрия Поляка. В похоронном сообщении, которое было направлено его родителям Юлию Марковичу и Марии Мартыновне, было указано место захоронения на Варшавском шоссе в 300 м западнее Люблина. Однако могилы там не оказалось. В письме подчеркивалось, что «убитые горем родители живут надеждой отыскать могилу единственного сына, который храбро сражался за родину».¹⁰²

Из Наркомата обороны СССР семья Поляков получила две выписки из личного дела офицера Д.Ю. Поляка. В первом документе от 15 февраля 1944 г. говорилось, что «во время боев за д. Татьянаовка и хутор Ватилевские техник-лейтенант Поляк сделал все необходимое для эвакуации подбитых машин и раненых членов экипажей и бойцов, проявив при этом исключительное трудолюбие и заботу, мужество и находчивость».¹⁰³ Во втором, от 23 июля 1944 г., подчеркивалось, что «Тов. Поляк под артиллерийским и минометным огнем организовал ремонт боевых машин так, что рота не имела ни одного неисправного танка».¹⁰⁴

В истории Второй мировой войны Люблин-Брестская операция 1-го Белорусского фронта, входила в число политически мотивированных. Люблин должен был стать первой временной столицей освобожденной Польши. Приказ Сталина требовал овладеть городом не позднее 25 июля 1944 г., но танки не годились для маневров на узких улочках старого города. Атака привела к тяжелым потерям людей и техники. В этом сражении 23 июля и был убит 22-летний лейтенант

⁹⁹ Письмо Нины Яковлевны Должанской (Эпштейн) – Якову Абрамовичу Эпштейну 17 июля 1945 г.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Письмо полковника медицинской службы Ремизова - Н.Я. Эпштейн 20 июня 1946 г.

¹⁰² Письмо секретаря парторганизации Шейнина и председателя месткома Сурица из Москвы 24 декабря 1945 г.

¹⁰³ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 855, л. 105.

¹⁰⁴ Там же, д. 826, л. 21.

Дмитрий Поляк. Его прах упокоился в безымянной братской могиле в Люблине, где вскоре был поставлен памятный знак “Благодарность Советской Армии” (скульптор Михаил Григорьевич Горвиш) в честь погибших 7806 солдат и офицеров Красной Армии, из которых удалось установить только 150 имен.¹⁰⁵

Однако до настоящего времени памятник не сохранился. Антирусские настроения с распадом Советского Союза вызвали в Польше “гроздь гнева”. Политические деятели объясняли все обрушившиеся на страну беды итогами советской оккупации. По инициативе Союза политических узников коммунизма в Люблине в 1991 г. советский памятник воинам-освободителям снесли, а на его месте возвели монумент маршалу Юзефу Пилсудскому.¹⁰⁶

Поиск осложнялся тем, что сами эвакуированные в годы войны часто меняли место жительства и поэтому ответы из воинских частей не находили адресата. Переписка с военкоматами, однополчанами, Наркоматом обороны СССР затягивалась и казалась бесконечной. Капитан Каминский сообщал в июле 1945 г. Асе Готтлиб, вдове Михаила Ефимовича (Мория Иосифовича) Готлиба, что еще в 1944 г. он послал Асе Израилевне подробное письмо по указанному адресу: г. Херсон, почтамт, до востребования: «Писал я и по Вашему старому адресу – г. Херсон, ул. К. Маркса, д. 8, но поскольку Вы продолжаете розыски, можно сделать вывод, что не получали наших писем, поскольку Ваши адреса очень часто менялись». Каминский добавлял, что пишет Асе, как земляк из Голопристанского р-на, что скоро он демобилизуется, едет на родину, может встретиться и подробно рассказать о Михаиле Ефимовиче: «Судьба его была другой – 4 мая 1944 г. Миша погиб при выполнении боевого задания. Вам было послано и извещение о его смерти через Херсонский райвоенкомат. Но потом мы получили Ваш другой адрес, г. Алма-Ата, и видимо, это извещение так Вас и не нашло. Сегодня отвечаем по запросу НКО, а копию нашего ответа высылаем».¹⁰⁷

Поиск далеко не всегда давал результат. Причин для этого было много, например, ошибка при составлении списка погибших и пропавших без вести, которые составлялись кадровиками по итогам боев. Израиль Аронович и Эстер Файвелевна Чечики долгие годы безуспешно разыскивали своего сына Леву (Лейбу), 1922 г.р., который был призван в Красную Армию Речицким райвоенкоматом Гомельской области 15 декабря 1940 г. Лейба воевал в 49-й стрелковой дивизии и погиб при освобождении Зимовницкого района Ростовской области 6 января 1943 г. Однако при составлении списка потерь личного состава полка Леву записали как “Чечин”, а не “Чечик”. Официальное сообщение о гибели Льва Израилевича семье послано не было, поскольку Речица была освобождена советскими войсками от немецкой оккупации только в ноябре 1943 г. Семья Чечиков, начиная с 30 июня 1941 г. по 29 мая 1945 г., находилась в эвакуации на станции Колтубановка Бузулукского района Чкаловской (ныне Оренбургская) области. Все запросы родителей Левы сообщить о судьбе их сына получали отказ - «в списках не значится». Только спустя

¹⁰⁵ Л. Смиловицкий, «С боем взяли город Люблин, город весь прошли ...» // Секрет. Приложение к газ. “Новости недели” (Тель-Авив), № 998, 16 июня 2013 г, с. 44-46.

¹⁰⁶ Фотографию памятника удалось обнаружить в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД, № 0143268).

¹⁰⁷ Письмо к-на Каминского Асе Израилевне Готлиб 14 июля 1945 г.

75 лет в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске удалось обнаружить обнаружен документ, который помог выяснить истину.¹⁰⁸

Другим направлением поиска семьи стали сведения о последних неделях, днях или часах жизни умирающего. Это было естественное стремление родных солдата удовлетворить горечь утраты, услышать о завершении земного пути, чтобы найти в себе силы преодолеть постигшее несчастье. Переписка, где обсуждалась потеря сына, мужа, отца, брата, племянника, дяди в рядах Красной Армии – раскрывает глубину родственных отношений, показывает силу семейных уз и поддержки, которые помогали перенести боль утраты. Марии Круглой удалось выяснить, что ее муж Иона был ранен 29 декабря 1941 г. при обороне Севастополя. Ранение оказалось серьезным, были задеты кость и крестец, одна рана находилась у заднего прохода, а другая у мочевого канала (яичек), что затрудняло желудочные очищения. Госпиталь в Новороссийске, где оказался Иона после передовой, произвел на него большое впечатление: «Идеальная чистота и лежишь в постели, как заслуженный воин РККА. Подушек и одеял прямо уйма. Что касается еды, то тоже все неплохо. На завтрак принесли жирное мясо с огурчиком, кусок белого хлеба с маслом (это только для слабого), бублик, пряник, чай сладкий, а вчера на ужин была курятина. Аппетит у меня неплохой, а вот насчет сна скверно, очень плохо сплю. В эти десять дней я крепко узнал морфий, кофеин, кодеин и другие наркотические средства».¹⁰⁹ К письму была сделана приписка для сына Гриши: «Твой отец в бою с заклятым врагом честно и героически отдал свою кровь за Родину и счастливое ваше будущее. Дай слово – быть таким же честным и ... в учебе и дома с матерью.»¹¹⁰ Потом следы Ионы Круглого затерялись и только в 2006 г. семья получила ответ на запрос, в котором было написано, что заместитель политрука И.Г. Круглый, 1900 г.р., умер от сепсиса в эвакогоспитале 1745 (МЭП 94) 12 января 1942 г., а место его погребения неизвестно.¹¹¹

Евсей (Иосиф) Рубин сообщал своей жене Ане (Хане) Гросс в декабре 1942 г., что у него “крупные новости”, он получил три ранения из них одно тяжелое, а два легких: «Тяжелое ранение в верхнюю треть бедра левой ноги сквозное с нарушением кости. Второе, выше кисти правой руки, которая немного опухла и мешает писать, поэтому это любезно делает за меня симпатичная дружинница». Письмо было написано от имени Рубина в ожидании отправки в стационарный госпиталь: «Конечно, условия сортировочного госпиталя, когда беспрерывно приходят и уходят новые люди не так удобно, кроме того не спадает повышенная температура, все время хочется кисленького и острого. Но хуже всего бессонница, приходится лежать на спине и нельзя повернуться на правый бок (...) больше, чем на одну минуту, а помимо этого я совсем хороший казак-казаком».¹¹²

¹⁰⁸ Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 147-го полка 49-й стрелковой гвардейской дивизии с 5 по 9 января 1943 г. // ЦАМО, ф. 58, оп. 18001, д. 813, л. 14.

¹⁰⁹ Письмо Ионы Григорьевича Круглого из Новороссийска 9 января 1942 г.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Письмо из Архива военно-медицинских документов Министерства обороны Российской Федерации в Ленинграде, отдел № 6, 17 октября 2006 г.

¹¹² Письмо Евсея Исааковича Рубина из Баку – Анне Семеновне (Хане Шимоновне) Рубиной (Гросс) в Коканд Ферганской обл. Узбекской ССР 28 декабря 1942 г.

Юрий Пинский в марте 1945 г., обращаясь к жене Гисеньке и дочурке Зиночке, отмечал, что письмо только под его “аккомпанемент” и впервые за всю войну он жив, но не здоров. Пуля снайпера вошла через левый бок, прошла всю брюшную полость, раздробив кишечник и кости: «Лежа на поле боя в течение трех часов без медицинской помощи, я уж не питал никакой надежды, ибо остался без кровинки». Но Юрия успели вынести с поля боя и прооперировать. В конце письма Пинский заключал, что по мере того, как будет наступать улучшение или по ухудшению, он это скрывать не станет: «Остаюсь твой друг в глубоких чувствах и, разумеется, с желанием встретиться с тобой и дочуркой в каком угодно состоянии».¹¹³

Лейтенант Грачев сообщил Гисе Исааковне Пинской, что лежал в одном госпитале с ее мужем: «Наберитесь терпения и выслушайте меня: Юрочка умер через 20 дней после ранения, находясь в полном сознании и рассудке. Он был ранен в живот, пуля вошла в правый бок, порвала правую кишку и вышла в левый пах. При операции кишку ему сшили и так он жил 20 дней, и я ухаживал за ним, как легко раненный. Врачи приняли все меры, дали больше литра донорской крови, но он не выдержал. Юра предчувствовал свою смерть, говорит, Ваня, возьми мои сапоги, мне теперь ничего не надо, я завтра умру, так и вышло. Он часто вспоминал о Вашей девочке, которую даже не видел. Не грустите, такова судьба. Многие взойдут на эту Голгофу».¹¹⁴

8. Письма-посвящения

Когда трагическая истина была установлена, а семья получила официальное похоронное свидетельство, услышала подробности гибели родного человека и узнала его место захоронения, появились письма-посвящения. Это были записанные символические обращения к памяти погибшего солдата в форме диалога, покаяния, клятвы верности, обещания выполнить пожелания, высказанные погибшими при жизни. Они содержали заверения в супружеской верности и обещания позаботиться о детях, которые несли в себе его «кровинушку» (внешний облик, генетический заряд, менталитет).

Письма-посвящения писались после получения трагического известия. Искренний тон и эмоциональный подъем этих обращений к памяти фронтовика не оставляют равнодушным. Решение положить на бумагу внутренний диалог, который не исчезал в сознании и будоражил воображение (жены, матери, дочери, а иногда и внучки). Это было естественной потребностью людей, которые не могли позволить себе, пока шла война, попасть к месту захоронения. Они не могли посидеть у могилы, прикоснуться к погребальному холмику или провести ладонью по доске, где было начертано дорогое имя.

Мэра Шифрина¹¹⁵ после получения известия о смерти своего мужа Льва Нехамкина¹¹⁶ написала символическое обращение, которое назвала “Клятва

¹¹³ Письмо Юрия Хацкелевича Пинского – Гисе Исааковне Пинской в Копейск Челябинской обл. 11 марта 1945 г.

¹¹⁴ Письмо л-та Грачева – Гисе Исааковне Пинской, 1945 г. Без точной даты.

¹¹⁵ Шифрина Мэра Гилеровна (Мария Ильинична, 1906-1983 гг.), журналист, годы войны в газете “Колхозная стройка” (пос. Екатериновка Саратовской области), на партработе в Казани, после 1944 г. ответственный секретарь журнала “Работница і сялянка” в Минске.

¹¹⁶ Нехамкин Лев Шахнович (1904-1942 гг.), журналист, редактор газ. “Бальшавік

Льву": «Я пишу тебе погибшему не потому, что я сошла с ума, а от того, что верю в твоё бессмертие, как героя Великой Отечественной войны, который будет жить в веках». Мэра упоминает, что Лев Шахнович, несмотря на освобождение по состоянию здоровья (язва желудка и камни в почках), настоял на добровольном призыве в Красную Армию. Он воевал в пулеметном взводе, откуда был переведен в дивизионную газету. В последнем своем письме от 13 февраля 1942 г. за день до смертельного ранения, Нехамкин отвечал жене: «Ты спрашиваешь, часто ли я бываю на передовой? Часто, конечно, и стараюсь быть, как можно чаще. Писать, не будучи на передовой, нехорошо и невозможно».¹¹⁷

Мэра писала в «Клятве», что ночью она по несколько раз переворачивает намоченную от слез подушку: «Кровавый Гитлер - этот всемирный шакал, купающийся в человеческой крови, отнял у меня человека, который был дороже жизни. Он отнял у детей любящего отца, но «лучше быть вдовой героя, чем женой труса»¹¹⁸. Я приношу тебе, мой дорогой Лева, священную клятву ненавидеть врагов нашей отчизны и всеми силами помочь их уничтожению. Я клянусь воспитать наших детей достойными сынами Родины, честными, простыми, мужественными». И в заключение: «Я страстно мечтаю, когда припаду к твоей могиле и расцелую на ней землю. Я нарву твои любимые цветы и украшу ими твою могилу, а страна наша воздвигнет тебе величественный памятник, на котором будут начертаны лишь три слова ГЕРОЮ-ЗАЩИТНИКУ РОДИНЫ. Спи спокойно, дорогой мой, вечно для меня живой. Бесконечно любящая тебя жена Мэра».¹¹⁹

После начала войны Лев Шахнович Нехамкин эвакуировался с семьей в Тамбов, откуда ушел на фронт. Находясь по заданию редакции своей газеты на передовой позиции 16 февраля 1942 г., он проявил личное мужество (поднял подразделение в атаку) и был смертельно ранен, а на следующий день умер в медсанбате.¹²⁰ Мэра писала «Клятву» после получения похоронки, когда почта вернула ранее посланные письма. В ее тексте 2280 слов и минимум правок. Стиль четкий, тщательно выстроенный и продуманный. Можно предположить, что вдове нужно было излить все, что жгло душу, заполняло мысли, сделать это для себя, ведь «Клятва» писалась не для посторонних. Не исключено, что Мэра читала написанное не один раз, делала наброски, правки ... и однажды ночью (днем она работала) все выплеснула на бумагу, изложила окончательный вариант, который мы знаем.¹²¹

Другая часть обращений к памяти погибших родных в Красной Армии была написана детьми, а иногда внуками по следам впечатления, которое они вынесли из рассказов своих родных. Они носили глубоко личный характер и не

Барысаўшчыны», ответственный секретарь газ. «Советская Белоруссия», депутат Минского городского Совета, на партийной работе в Тамбове, после ухода на фронт секретарь редакции газ. «За победу» 226-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, посмертно награжден орденом Красного Знамени // ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 987, л.

¹¹⁷ Письмо Льва Шахновича Нехамкина – Мэре Гилеровне Шифриной 13 февраля 1942 г.

¹¹⁸ Выражение Долорес Ибаррури. Речь на митинге Народного фронта в Мадриде 14 октября 1936 г.

¹¹⁹ «Клятва Мэры», пос. Екатериновка Саратовской области, конец марта 1942 г.

¹²⁰ Первичное место захоронения с. Алексеевка Корочанского р-на, Курской обл. // ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 987, л. 65.

¹²¹ Автор искренне благодарит Сергея Владимировича Нехамкина, внука Мэры Гилеровны Шифриной за предоставленные военные письма, документы и комментарий к ним.

предназначались для огласки. Екатерина Медынцева¹²² в 2018 г., обращаясь к своему дедушке которого она никогда в жизни не видела, писала, что с детства знала, что он был прекрасен: «Ты был красив, благороден, честен, смел, ты хорошо пел, знал биологию, занимался акробатикой, прекрасно рисовал, работал в школе учителем биологии и даже сам принял роды у своей жены Кати в с. Зачулымское Красноярского края, куда вас отправили по распределению. Ты писал нежные письма с фронта, не дожив до победы меньше двух месяцев. Ты погиб недалеко от страшного концлагеря Штуттгоф, ты своими глазами видел ужасы на освобожденных территориях. В детстве мне снился сон, я бегу, я воин, мужчина и одновременно ребенок. Я бегу на врагов по весеннему полю, вокруг окопы, изрытая взрывами земля. Меня стреляют, и я падаю лицом вверх. Надо мной облачное весеннее небо, пролетающий птичий клин... Ты мой Ангел-Хранитель. Ты идеал мужчины, ты моя совесть и честь. Я люблю и горжусь тобой. Со мной твоя память, которую я передам своим детям, внукам и правнукам».¹²³ Лев Александрович Медынцев, младший лейтенант, командир взвода 248-го артиллерийского полка 86-й стрелковой дивизии, выпускник Сумского артиллерийского училища им. Фрунзе в г. Ачинск Красноярского края до войны работал учителем биологии в средней школе в г. Кашин Калининской (ныне Тверской) области. Медынцев почти всю войну был на передовой, погиб во время Восточно-Померанской операции в ходе штурма Гдыни и Данцига (ныне Гданьск) и был похоронен у д. Варш под Данцигом 19 марта 1945 г.¹²⁴

Семейное горе со временем стало частью общей народной памяти, которая отразилась на национальном менталитете, как евреев, так и неевреев. Память о людях, завоевавших победу ценой собственной жизни, продолжает существовать спустя долгие десятилетия после окончания второй мировой войны и является своего рода гарантией от новой подобной трагедии.

9. Вывод

Письма-прощания как в миниатюре показывают всю трагедию одной отдельно взятой семьи. Тень смерти всегда витала над человеком на войне, независимо от того, какие погоны он носил и в каком чине находился. Это касалось как кадровых военных, так и гражданских лиц, которые стали солдатами, чтобы защитить свою страну, семью и детей. У каждого, кто не вернулся с войны, была своя история, своя судьба, свое представление о жизни и планы, которые перечеркнула смерть. Она не выбирала между молодыми и зрелыми, начинающими и опытными солдатами, мужчинами и женщинами. Она была одинаково опасна для пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков, моряков.

Прощальные письма стали своеобразным дополнением официальных извещений о смерти военнослужащего, сообщали подробности случившегося, были полны чувств, эмоций и переживаний. Они позволяют получить представление о человеческих взаимоотношениях на пороге жизни и смерти, солдатского братства

¹²² Екатерина Львовна Медынцева, выпускница Российского государственного гуманитарного университета в Москве, работала в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге и архитектурной мастерской Юрия Файбисовича.

¹²³ Лев Медынцев, *Письма с фронта. Публикация Е.Л. Медынцевой*, «Еврейская Старина», № 4 (99), 2018 г. <http://s.berkovich-zametki.com/2018-snomer4-medynceva>

¹²⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 11458, д. 751, л. 23.

и самопожертвования. Письма хранились в семейных архивах наряду с самыми важными документами – свидетельством о рождении, вступлении в брак, метриками детей, дипломами об образовании. Осознание смерти на войне приходит с возрастом - чем человек становился старше, тем полнее он был способен это оценить. Письма служили свидетельством незаживающей раны в сознании семьи, рассказ о которой передавался от поколения к поколению.

Документы и свидетельства о гибели солдата подтверждали высокую гражданскую позицию человека, отдавшего свою жизнь во имя победы над врагом, защиты родины, и то, что государство и общество оценили эту жертву. Это придавало необходимый моральный и материальный статус семье погибшего солдата. Вместе с тем, в понимании государства смерть солдата на войне, несмотря на всю громкую патетику патриотических заявлений, оставалась заурядным явлением на фоне многомиллионных человеческих жертв. На самом деле все объяснялось тем, что в недемократическом обществе граждане служили материалом (или инструментом) для государства, а не наоборот. Исходя из этого, семьи воспринимали смерть родного человека на войне как самое страшное, что могло произойти, и никакие заверения о целесообразности этой жертвы не были способны послужить оправданием и облегчить это горе.

REFERENCES

Sources:

Tsentrāl'ny arkhiv Ministerstva oborony Rossii:

- f. 33, op. 686196, d. 4244, l. 387.
- f. 33, op. 11458, d. 751, 313.
- f. 33, op. 11459, d. 125
- f. 33, op. 594258, d. 14
- f. 33, op. 682524, d. 987
- f. 33, op. 686196, d. 870, 5984
- f. 33, op. 690155, d. 855, 826
- f. 58, op. 18001, d. 567, 813, 1098
- f. 58, op. 18003, d. 242.
- f. 58, op. 818883, d. 367
- f. 58, op. A-65852, d. 3

Belorussky gosudarstvenny arkhiv-muzey literatury i iskusstva, f. 55, op. 1, d. 295, 296

Rossiysky gosudarstvenny arkhiv kinofotodokumentov, № 0143268.

Studies:

L. Smilovitsky, "Privet vsem. Tseluyu vas Fima". Sekret Prilozhenie k gaz. «Novosti nedeli» (Tel'-Aviv), № 973, 23 dekabrya 2012 g., s. 42-44.

L. Smilovitsky, "S boem vzyali gorod Lyublin, gorod ves' proshli ..." // Sekret. Prilozhenie k gaz. "Novosti nedeli" (Tel'-Aviv), № 998, 16 iyunya 2013 g., s. 44-46.

Grigory Reykhman, "Za pyat' dney do devyatnadsatiletiya" // Evreysky kamerton. Prilozhenie k gaz. Novosti nedeli (Tel'-Aviv), 6 oktyabrya 2005 g.

Aron Shneyer, Pariahs among Pariahs. Soviet-Jewish POW in German Captivity, 1941-1945. Yad Vashem. Jerusalem. 2016, p. 56.

Lev Medyntsev, Pis'ma s fronta. Publikatsiya E.L. Medyntsevov // Evreyskaya Starina, № 4 (99), 2018 g., <http://s.berkovich-zametki.com/2018-snomer4-medynceva>

БИБЛИОГРАФИЯ

Центральный архив Министерства обороны России:

- ф. 33, оп. 686196, д. 4244, л. 387.
- ф. 33, оп. 11458, д. 751, 313.
- ф. 33, оп. 11459, д. 125
- ф. 33, оп. 594258, д. 14
- ф. 33, оп. 682524, д. 987
- ф. 33, оп. 686196, д. 870, 5984
- ф. 33, оп. 690155, д. 855, 826
- ф. 58, оп. 18001, д. 567, 813, 1098
- ф. 58, оп. 18003, д. 242.
- ф. 58, оп. 818883, д. 367
- ф. 58, оп. А-65852, д. 3

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства, ф. 55, оп. 1, д. 295, 296

Российский государственный архив кинофотодокументов, № 0143268.

Pariahs among the pariahs. Soviet-Jewish POW's in German Captivity, 1941-1945. By Aron Sheyer. Yad Vashem. Jerusalem 2016.

Л. Смиловицкий, "Привет всем. Целую вас Фима". *Секрет* Приложение к газ. «Новости недели» (Тель-Авив), № 973, 23 декабря 2012 г., с. 42-44.

Л. Смиловицкий, "С боем взяли город Люблин, город весь прошли ..." // *Секрет*. Приложение к газ. "Новости недели" (Тель-Авив), № 998, 16 июня 2013 г, с. 44-46.

Григорий Рейхман, "За пять дней до девятнадцатилетия" // *Еврейский камертон*. Приложение к газ. Новости недели (Тель-Авив), 6 октября 2005 г.

Aron Shneyer, *Pariahs among Pariahs. Soviet-Jewish POW in German Captivity, 1941-1945.* Yad Vashem. Jerusalem. 2016, p. 56.

Лев Медынцеv, Письма с фронта. Публикация Е.Л. Медынцевой // *Еврейская Старина*, № 4 (99), 2018 г., <http://s.berkovich-zametki.com/2018-snomer4-medynceva>

